

МЕТАЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ И СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Бредихин С.Н.¹

¹ ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

Данная статья посвящена металогическим формам мышления как одному из аспектов порождения нового неузуального многомерного смысла. В статье обсуждаются грамматические особенности философского языка, вербализующего формы металогического мышления. Основное внимание в статье акцентируется на таких формах вербализации многомерного смысла на синтаксическом уровне как парадоксальные высказывания и *figura etymologica*. Металогические формы мышления и их выражение в языке есть парадокс, попытка выразить невыразимое, они противоречат не только логичному, но и рациональному. В данном контексте рассматривается феномен фугенджикко мысль вне слова, чистый, непротеворечивый смысл, возможный при применении метаязыка третьего уровня абстракции. Применение *figura etimologica* наряду с парадоксом при интерпретации и декодировании, при работающем *mens communis* даёт особую ценность деривационным моделям вербализующим многомерный окказиональный смысл репрезентирующий в философском дискурсе.

Ключевые слова и фразы: смыслопорождение, металогика, прото- и мета-смыслы, докса, парадокс, тавтология.

METALOGICAL WAY OF THINKING AND PARADOXAL SENSE DERIVATION

Bredikhin S.N.¹

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina st. 1/A (building1), e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

This article is devoted to metalogical way of thinking as one of the aspects of nonusual multidimensional sense derivation. The grammatical features of philosophical language, verbalizing metalogical forms of thinking, are discussed. The main attention is focused on such forms of multidimensional sense verbalizing as paradox and *figura etymologica*. Metalogical way of thinking and its verbalization is peradoxal itself, it is the attempt to express the inexpressible, it is out of synch not only with logic but also with ratio. The fugendjikko phenomenon (nonverbalized thinkeng) is mentioned in the given context – the pure, consistent sense, which is possible within the usage of third level of abstraction metalanguage. The appliance of *figura etymologica* together with paradox by interpretation and decoding, with the use of *mens communis* gives the particular value to the derivation models verbalizing multidimensional occasional sense represented in philosophical discourse.

Keywords: sense derivation, metalogic, proto- and meta-sense, doxa, paradox, tautology.

В данной статье подвергаются анализу грамматические металогические особенности философского языка, обслуживающие формы особого типа мышления, на грани и за границами привычного языка, рождающие прото- и мета-смыслы.

Язык как растущий город, слова в котором похожи на старые и новые дома, улицы же это грамматические правила, они делают возможными связи, которые завязывают жители этих домов, или же упорядочивают дорожное движение. Хайдеггер же в этой картине становится строителем, он хочет возвести широкие улицы, парки, спокойные кварталы, соответствующие требованиям современного градостроительства. Но этого не позволяет «старый фонд». Таким образом, архитекторы должны подстраиваться, если повезёт, то удастся сделать некоторые прорывы и построить обходные пути. Вот тот способ создания нового смысла в уже имеющихся рамках языковой реальности.

В языке словарный состав определяет содержание, а грамматика форму мышления. Как и некоторые слова в содержательном моменте, так и грамматика содержит некое количество необходимых общих связей, которые позволяют выразить мысль, грамматические конструкции в самом широком смысле (и морфология и синтаксис) рожают многомерный смысл также как и трансформации суперструктуры на уровне лексем. Для человека знающего представляются более тонкие и спорные возможности, где мы выходим за рамки обыденного познания, там изменяется и форма мышления, изменяя и выстраивая структуру нашего языка. Для нас наиболее релевантным в данном отношении является язык экзистенциальной философии Мартина Хайдеггера, особый метаязык, структурирующий и вербализующий мета мышление.

Язык М. Хайдеггера уже на ранних стадиях отличается тем, что пытается покинуть или изменить структуры привычного немецкого языка. «Внешний поток мыслей или опыт кажется проистекающим из парадокса» говорил Альбрехт Фабри в своих эссе [6, с. 80]. История философского мышления показывает, что человеческий разум куда более полезен, если он переходит определённые границы понимаемого и противоречит высказываниям, которые формулируются на основе «нормальных» законов говорения. $\alpha\pi\alpha\ \tau\eta\nu\ \delta\omicron\epsilon\alpha\upsilon$ несмотря на всеобщую убеждённость может быть выражена в понятиях, которые своей содержательной новизной, вызывают впечатление противоречивости с нормой и пониманием, хотя при ближайшем рассмотрении они понятны и облакаются в форму общеупотребительных высказываний. Сущностная закономерность парадоксального способа выражения заключается не в том, что новое противопоставляется старому, а в том, что-то, что противоречит нормальному пониманию, представляется как нечто с ним совпадающее и связанное.

Такое отрицание парадокса как способа выражения определённых отношений, его негативная оценка как мышления, которая бытует сейчас возможно лишь в области знания определяемой в формах силлогизма и зависящего от субъектно-предикативной структуры индоевропейского предложения. В других формах мышления различные виды парадоксального способа выражения более распространены и не так дискредитированы. И всё же в западной культуре имеется важное явление подчинённое металогическому образу мышления – основные его направления – это мистика, романтика, религия, вера и диалектика. Все они сходны в том, что стараются выразить содержания, выходящие за пределы обыденного понимания в схемах, не встречающихся в повсеместных речевых оборотах и кажущихся неправильными и лишёнными смысла, однако наличие именно нетривиального, неузуального, многомерного смысла в философском высказывании делает его особым типом дискурса и придает ему отличные от других типов текстов характеристики.

Из вышесказанного следует, что следует различать два вида парадокса: парадокс антиномических мыслительных содержаний и парадокс неожиданных формулируемых мыслительных содержаний, которые, однако, не обязательно имеют дело с вербализацией в новых деривационных моделях а могут быть выражены узуально. В своих исследованиях парадоксального в «Заратустре» Ницше Карл Гроос обращает внимание на то, что не все парадоксальные предложения связаны с его «переоценкой всех ценностей», что у него и общепринятые содержания формулируются парадоксальным способом. Гроос, который исходил из того, что парадоксальный стиль связан, в сущности, с выражением новых мысленных содержаний, а тем самым с нарушением привычных норм увидел, что впечатление парадокса создаётся не только противопоставлением нового старому господствующему мнению, но и посредством оппозиции обычного и распространённого образа мысли [7]. Если эта одна сторона, в которой формулируются парадоксальные мыслительные содержания, то ей противостоит другая внешне более новая и потому необычная.

В истории общественного создания должны укорениться критика догмы Гегеля, должны появиться теории Ясперса, Кассирера, Лайзеганга прежде чем рядом с Аристотелевской логикой будут возможны другие формы мышления. Эту мысль позже подтверждало и языковедение признанием различных языковых картин мира.

Конечно трудно соблюсти все условия для придания парадоксальному мышлению статуса признанной формы мысли, ни согласно различению множества форм жизни и воззрений, ни согласно базовой интерпретации мира в языке, в искусстве и науке Кассирера, ни ей же в родном языке по Гумбольдту и Вайсгерберу нет возможности координировать парадоксальный образ мысли. По-другому представлено это у Лайзеганга, он исходит из того, что отдельно взятый человек понимает форму жизни как присущую только ему. При этом понимание всех областей сводится лишь к индивидуальной форме. Лайзеганг находит у представителей различных культур повторяющиеся формы мышления, основывающиеся на философии, религии, литературном и естественнонаучном наследии. Один из этих образов мышления, который Лайзеганг извлёк из текстов Гераклита, апостола Павла и Гёте, объединяет в себе признаки парадоксального мышления. Но Лайзеганг понимает термин парадокс довольно противоречиво. Мы, однако, не пытаемся дать историческое описание этой формы мысли и её проявлений у различных мыслителей. Эта форма мышления известна у Будды, Лао-Цзы, Гераклита, Павла, Экхарта, Гёте, Кьеркегора, Ницше, но имеются и трактаты, которые связаны исследовательскими моментами с этими течениями.

Интересным в данном отношении будет проанализировать возможности смыслопостроения при хайдеггеровском описании и пояснении сущности действительности

(«правды») её двойственного характера, в которых Хайдеггер как бы пытается избежать парадоксального способа выражения, но при этом в результате «игрового» смыслопорождения возникают многомерные метасмыслы:

Aber so von Unwesen und Unwahrheit zu sagen, geht allzu hart gegen das noch gewöhnliche Meinen und nimmt sich aus wie ein Herbeizerren gewaltsam ausgedachter 'Paradoxa'. Weil dieser Anschein schwer zu beseitigen ist, soll auf diese nur für die gewöhnliche Doxa (Meinung) paradoxe Rede verzichtet sein. Für den Wissenden allerdings deutet das 'Un-' des anfänglichen Un-wesens der Wahrheit als der Un-wahrheit in den noch nicht erfahrenen Bereich der Wahrheit des Seins (nicht erst des Seienden) [8].

Из этого утверждения следует, что Хайдеггер вроде бы говорит о парадоксе как о форме речи, которой он мог бы избежать для облегчения понимания, но далее мы видим, что он не имеет ввиду парадокс как нечто необходимо привязывающее его к обычному способу выражения. Плюс к этому он даёт понять, что явления, которые мы описываем кажется необычным «лишь для скованного привычкой разума», для «знающего» оно вполне правдоподобно.

Хайдеггер утверждает, что существенное сокрыто от людей в целом, тем, что он делает в своей работе, он пытается приоткрыть суть действительности для человеческого бытия. Правда является двойственной по природе, приближает основополагающие принципы сущностного в целом к человеческому бытию и в то же время остаётся нераскрытой в отношении действительной природы сущего. Правда обладает потенцией укрываться от взгляда одновременно, выставляя себя напоказ.

Автор пытается разграничить мысли и их последствия. Видно, мысль внутренне антиномична, парадоксальна – формулировкой можно подчеркнуть или попытаться сгладить это её свойство. Хайдеггер пишет: Un-wesen ist hier das in solchem Sinne vor-wesende Wesen. [8, с. 20]. Сокращённо это высказывание можно сформулировать так Un-wesen – это Wesen. Типичный пример взаимопротиворечивого, но не взаимоисключающего высказывания. Мысль и её выражение в языке есть парадокс, попытка выразить невыразимое, вспомним о феномене фугэндзикко, они противоречат не только логичному, но и рациональному. Для некоторых лингвокультур не характерно вербальное обсуждение сущности понятий. Например японская культура ориентирована на «намек» на смыслы, принадлежащие «Небытию», при этом данные смыслы должны быть выражены вербально. Этого строгого противоречия Хайдеггер по его же словам и стремится избежать. Однако он достигает этого не последовательно и это, прежде всего, объясняется тем, что сам предмет исследования требует подобных выражений. С общесемиотической точки зрения мы в данном случае имеем дело с процессом «перевода» как перекодирования не только межъязыкового, но и

внутриязыкового: «интерпретацией вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» [4, с. 78] – перифразированием.

Вышеупомянутое предложение можно выразить по-другому *das Un-wesen (der Wahrheit) ist ihre Verbergung*, подобный анализ вскрывает важнейший признак предложения – единство его содержания, скрытый в гиперструктуре многомерный смысл, не являющийся простой суммой всех нозм, но и вовлекающий в себя константы модальности, субъективности, контекстуальности и действующий в условиях четырехмерного смыслового хронотопа. Хайдеггер вновь пытается вернуться к выражению своих мыслей узуальным способом, но это имеет тот же успех, что и попытки пересказать поэтический текст своими словами в прозе.

Эти высказывания парадоксальны и нелогичны, но не «бессмысленны». Подобные формулировки, как показывает практика можно сделать более прозрачными, представить их смысл проще, но показанные в них формы мышления строго могут быть описаны только в металогической форме выражения, при помощи новых незуальных деривационных моделей, репрезентирующих данные формы на всех уровнях языка. То же что было сказано выше о парадоксальной сущности правды, может быть отнесено и ко времени.

Для всех примеров парадоксального высказывания справедливо утверждение Карла Грооса, сделанное при изучении парадоксального стиля Ницше «ясно лишь то, что парадокс как учение никогда не утверждал ничего бессмысленного. Напротив если какой-либо мыслитель слишком убеждён в правдивости, глубине и значении своих воззрений – это и есть парадоксальное «Переосмысление всех ценностей» [7]. Парадокс может лишь тогда порождать бессмысленные высказывания, когда какой-либо один образ мысли принят за точку отсчёта задающую меру всему, в ситуации метаабстракции, когда возможно подняться над реальностью дискурса и освободится от оков языка, можно и необходимо формировать металогичные суперструктуры интенционально релевантных нозм по новым деривационным моделям. Лайзеганг как мы видим, возложил груз ответственности на тот факт, что кажущиеся нелогичными высказывания могут передать особую форму мышления.

Мы можем установить, что «выходящие за пределы разумного» мыслительные содержания обусловлены особой формой мышления, и невозможностью стандартного языка вербализовать подобные формы мышления. Гроос основывается на следующей черте, которая должна браться во внимание при анализе феномена парадоксальной речи – это момент новизны мыслительного содержания, характеристики новума и творимости присущи всякому смыслу, если рассматривать его как суперструктуру. Содержательно новые мысли контрастируют с общепринятыми суждениями и это противоречие выражается автором в парадоксальной форме, афористическом подчёркивании в оксюморон. Привлечение

внимания читателя где это только возможно. В этом феномене греческое значение слова *παράδοξος* ещё заметнее вопреки ожиданиям или общепринятому мнению. Хайдеггер, который особенно в «Бытии и Времени» рассуждает о новых содержаниях и представляет новую форму мышления, часто противопоставляет «пара-доксальный» взгляд ортодоксальному.

Но когда автор говорит о: *schweigenden Rede des Gewissens* [10], *Mut zur Angst vor dem Tode* [10], *hellen Nacht des Nichts* [11] и других подобных феноменах, к двойственному мыслительному феномену присоединяется языковое «выпячивание» в парадоксальных высказываниях, раскрывающее новые горизонты для смыслопостроения как авторского, так и декодирования личностного смысла интерпретатором. При этом нужно различать парадоксальные мыслительные содержания, которые ни в коем случае не поддаются логическому выражению, и формальный парадокс, который при желании сводится к однозначному лежащему на поверхности смыслу.

Как и в случае с омонимами здесь связаны языковые элементы различных содержательных уровней таким образом, что создаётся впечатление, что они якобы соотносятся на одном уровне. В *schweigenden Reden*, *schweigend* употребляется в прямом смысле как *lautlos*, *akkustisch nicht vernehmbar*, в то время как *Reden* – в метафорическом смысле в качестве *kundgeben*, *sich bemerkbar machen*, можно представить это как *lautlose Kundgabe*.

Так же понимается *Nacht des Nichts* как полная тьма *hell* же она в метафорическом смысле, так как именно в ней человека чаще всего посещает «озарение».

Каждый понимает, что эти предложения нельзя воспринимать как некие бессмысленные фразы, на которых построены некоторые тексты как, например: *Dunkel war's, der Mond schien helle, schneebedeckt der grüne Flur, als ein Wagen blitzschnelle, langsam um die Ecke fuhr, drinnen saßen stehend Leute, schweigend in ein Gespräch vertieft...* подобный пример внешне формально сопоставимый с предыдущими оппозициями не может быть воспринят как парадокс, а лишь как пример чистой бессмыслицы. На фоне которой настоящее парадоксальное предложение ещё более осмысленно. Парадоксальное напряжение – каустичность подобного оксюморон воспринимается интерпретатором как стимул, побуждающий к мышлению – в действительности понятно и решаемо.

Мы установили четыре момента, которые оправдывают использование парадоксального высказывания в философском дискурсе. С одной стороны – это либо парадоксальный предмет мышления, либо новизна мысли. С другой формальной стороны – это образ мышления или стилистическое средство. При этом ясно, где находится совпадение формы и содержания, но если попытаться объяснить эти четыре момента, связать их с

работами Хайдеггера, то это лучше получится, если ставить синтез новообразований перед причиной его отказа от общепринятой логики как мерила. Хайдеггеровские мысли в этом явлении, как и везде, служат для показа несостоятельности или относительности принципов общепринятой логики.

Тавтология есть другая форма, с точки зрения традиционной логики, патологического мышления и образа вербализации. В круговом мышлении тавтологии дополнительно к парадоксу встречаются довольно часто. А конкретнее там, где два члена как хиазм идентифицируются друг с другом. Как, например, в цитатах Гераклита и Бруно: $A=B/B=A$, как мы указывали ранее.

Тавтология всё же не воспринимается как парадокс. И так, возникает впечатление, что при тавтологическом высказывании ничего нового не говорится, всё остаётся на своих местах. Если всё же тавтологические высказывания претендуют на то, чтобы быть полновесными, то *mens communis* даёт этому ещё большее подтверждение, чем парадоксальной речи. Поэтому мы попытаемся осветить эти элементы языка Хайдеггера в связи с тавтологическим мышлением.

Хайдеггер вначале говорит о ничего не говорящей тавтологии, но позже дефинирует её нейтрально. Если один постоянно говорит одно и то же, например, *die Pflanze ist die Pflanze*, он высказывается тавтологично. Это второе высказывание содержится в его объяснении идентичности, в течении которого он говорит, что формула предложения $A=A$ показывает не совсем то, что имеется в виду. Выражение идентичности A самого с собой есть тавтология от греческого $\tau\omicron\ \alpha\upsilon\tau\omicron$, высказывание об идентичности должно было бы звучать: A есть A . *Mit ihm selbst ist jedes A selber dasselbe. In der Selbigkeit liegt die Beziehung des 'mit', also eine Vermittlung, eine Verbindung, ein Synthesis: die Einung in die Einheit.* [9, с. 15]. A не $A=A$. Из этого можно вывести лишь общие заключения о возможном метасмысле тавтологического высказывания, а конкретно в них показывается идентичность как таковая и её структура. Насколько это важно для мышления требует доказательства.

Для образований подобного рода в связи с этимологическим родством зависимых друг от друга слов прежде существовал термин *figura etymologica*. Он обозначал стилистическую фигуру античной риторики. В немецком языке избегается сочетание существительного и глагола сходной этимологии. Существуют некоторые скороговорки, в которых встречаются подобные образования. Допустим *Fischer Fritz fischt frische Fische. Weckt der Wecke. Angelt der Angler*, и так далее. Но в обычной речи подобные образования не используются. Допустим, нельзя сказать *der Regen regent*. Лишь в детской речи или из стилистических причин, там, где слов описаний нельзя избежать в немецком появляется *figura etymologica*.

Аккузатив внутреннего объекта появляется в таких образованиях ещё в ранних произведениях в немецкой поэзии, а так же в разговорной речи. В этом случае действие приписывается объекту транзитивным или интранзитивным глаголом, но не только им, а и самим содержанием существительного. В примерах: *Ich lebe mein Leben, er kämpft einen Kampf*. Но и следующие близкие по смыслу этимологические образования: *ich weine Tränen*. Тавтологический момент в подобных образованиях лежит на поверхности, именно по этой причине в индоевропейских языках возможности выражения грамматических значений таким образом опускаются. При этом древним филологам было известно, что *figura etymologica* в аккузативе внутреннего объекта встречается не только в большом количестве застывших оборотов в классическом греческом, но и в свободных выражениях речи.

По Швейцеру этот аккузатив содержания служит как факультативное, т.е. необязательное усиление потенциального смысла глагола или как формальный заменитель необходимого предложного или генетивного определения. Это подтверждают приведённые выше примеры. Аккузатив содержания соотносится с аккузативом результата, в той мере, в какой субстанция обеих вербализуется в глагольном действии; лишь в случае «результативного» аккузатива возникает заметное и устойчивое впечатление результата действия, в случае «внутреннего объекта» – практически не заметное (или определяемое лишь по его влиянию), которое исчезает с окончанием глагольного действия. На первый взгляд кажется, что в греческих предложениях, которые мы привели выше, ведущим является глагол, он как бы несёт на себе предложение. Интерпретация Швейцера лишь подтверждает это предположение, ведь в ней аккузатив объект является факультативным или формальным заменителем. Конечно, данное правило истинно для многих случаев в греческих текстах, хотя вопрос о смысловости как некоей особой металогической характеристике и ценности подобной синтаксической конструкции ещё ни разу не ставился. Если же посмотреть на современное состояние языка, то в большинстве таких конструкций существительное является этимологически более древним составляющим, из которого деноминализован глагол. Таким образом, можно предположить, что при построении подобного высказывания существительное стоит в ядре предложения, является превалирующим в смысловой иерархии и с ним лишь координируется глагольное действие. Предположение, что *figura etymologica* является лишь формальным, чисто стилистически обоснованным явлением не подтверждается.

Содержательная продуктивность подобной грамматической структуры не проявляется ни ранее ни сейчас. Мы можем только предположить, что для образования подобных высказываний послужила некая общность деятеля и действия, всегда появлявшаяся

неразрывно. Это подтверждается тем, что этимологически в древних языках действие, слово и мысль отождествлялись.

В нашем случае мы можем лишь сказать, что подобная связь существительного и глагола одинакового этимона в греческом встречалась довольно часто. Мы почти уверены в том, что Хайдеггер, часто работавший с греческими текстами, перенял такую их особенность как *figura etymologica* и, интерпретировав его для своего мышления в немецком языке, стал использовать подобную синтаксическую форму для порождения многомерных смысловых структур, вербализующих особые металогические формы мышления.

Список литературы

1. Богин Г. И. Интендирование как одна из тактик понимания // Вопросы методологии. – 1992. – № 3–4. – С.90-104.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. – М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
3. Дильтей В. Сила поэтического воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков. – М., 1987б. – С. 136-137.
4. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. - С. 78.
5. Beavers John T. Argument/Oblique alternations and the structure of lexical meaning. – Stanford on Avon. 2006. – P. 305.
6. Fabri A. Der rote Faden. Essays. – München: P.List, 1958. – 119 S.
7. Groos K. Einleitung in die Ästhetik. Digitale Kopie: Max Plank Institute für Geschichte der Wissenschaft. <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/ECHOdocuView?url=/permanent/library/WQ0A40CY/pageimg&pn=1&mode=imagepath> (Дата доступа 03.09.2013).
8. Hannay A. To see a mental image // Mind. 1973, v. 82, N 326.
9. Heidegger M. Wesen der Wahrheit. – Stuttgart: Verlag Günter Neske, 1959. – 270S.
10. Heidegger M. Identität und Differenz / Gesamtausgabe. I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910-1976. – Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1976. Band 11. – 168 S.
11. Heidegger M. Sein und Zeit. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag. Elfte, unveränderte Auflage, 1967. – 450 S.
12. Heidegger M. Was ist Metaphysik? – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1971. – 110 S.
13. Nakamura Hajime. Ways of thinking of Eastern Peoples. – Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1981. – 712 p.

14. Russel B. «On Denoting» in The Philosophy of Language (3 edition), A. P. Martinich (ed.), Oxford University Press, 1996. P.204–205

Рецензенты:

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г.Ставрополь.

Леденёв Ю.Ю., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет», г.Ставрополь.

Гаджихмедов Н.Э., д.фил.н., профессор, декан факультета дагестанской филологии ГОУ ВПО ДГУ, г.Владикавказ.